

В местах, воспетых Н. А. Некрасовым. Шода

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту
спрашивал:
Что строчишь карандашом?
Почитай-ка! Не
прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится – смолчу.

*(Посвящение Гавриле
«Коробейников»)*

Шода – деревня по берегу реки Мезы, притока реки Костромы. Шода чувствует себя в деревнях избранной деревней, не то, что все: «У нас Некрасов жил». И по всей деревне, от первой до последней избы, разлито это удовольствие ощущения исключительности. Жители – единовѣрцы, держатели, хранители старого обряда. Не ждалось, что позволяют себе так принимать освежающее, поновляющее жизнь как изящная литература, писатели. Старовер – строгий, не улыбающийся, всегда в чину, в державном благолепии, чурающийся мирских человеков. Оказалось – легкие, открытыми глазами смотрящие люди, нисколько из них нет того «исподлобья», коим так страдают дичающие люди глухих, самих в себе замкнувшихся углов. Вот Иван Гаврилович, с отцом Николай Алексеевич охотился. Иван Гаврилович на реке, тянет из проруби какую-то рыболовную снасть. – Иван Гаврилович, хотелось бы с вами поговорить. – Пожалуйте ко мне. Иван Гаврилович – старик, невысокого роста, крепкого сложения, с красноватыми прожилками на щеках. Хотелось бы видеть в нем сына того высокого, длинноватого ростом, верзилевого сложения охотника, что имел счастье быть подручным Н. А. Некрасова на охоте. Неужели и отец Ивана Гавриловича был его же комплекции – так это сводит все на заурядность...

Домик в три окна с белеющими наличниками; домик разваливается, необходимо, не откладывая, сфотографировать. Вот в этом самом дому и был у нас Николай Алексеевич.

Сановито ли, барственно входил он в эту лесенку, в крыльцо или взмахивал через приступки балующимися, подравнивающимися с крестьянами барчонком?

– В горенке, в сельнике у него и кровать была. Изба обыкновенная, крестьянская, только по-староверски чистенькая. Маляница, пиво... Гостем оказался. Так это смягчает допрос, расспрашивание.

В Иване Гавриловиче и в его старушке видна захваченность в их рассказывании о Николае Алексеевиче. Многие у них бывали. В шкафу для чайной посуды стенки оклеены листком из журнала «Искра» с портретами писателей, в числе их и Николай Алексеевич.

– Как Николай Алексеевич у вас был? Уже таким облыселым был?

– Да, да.

– Где же ему помнить, – вступается старушка, – невелик он был.

– 8 лет мне было, помню все-таки... Бывало, выглядываем на них из-за уголка, украдкой, как они собираются.

– У него постарше брат есть, рядом избы-то... Тот поболее тогда был, поболее помнит.

– Вот на часы, большие-то, куплены на Николая Алексеевича деньги. «На, – говорит, – Гаврило, купи себе часы, у тебя часов нет». Дал 5 целковых, тятинька и купил.

Иван Гаврилович толкнул маятник – часы нейдут.

– Как познакомились Ваш отец с Николаем Алексеевичем?

– Как, как... В Костроме. Тятинька весь город дичью кормил, набьет целую телегу и везет. Дичи было видимо-невидимо, охотников наперечет (ружей-то не было), тятинька сам и ружья делал, слесарничал. Попроще дичь на базар сдавал, а красную, вишь, губернатору поставлял. Николай Алексеевич как наезжал в Кострому – останавливался в номерах, вот где теперь окружной суд.

На охоту Николай Алексеевич на 3-х тройках ездил: одна для него, другая – для всякой обснарядки для охоты; у него на жалованьи жил Кузьма-охотник, коломенский он был, здоровенный такой, только из-за охоты нарочно его и держал, – так на этой тройке – Кузьма, на третьей – кухня. Богатый был барин.

Николай Алексеевич приехал в Кострому, и посылает Кузьму: поди, говорит, пощи охотника здешнего, чтобы нам места показал. Кузьма и пошел. Тятинька-то, это, на базаре дичь сдал, а дупелей нанизал на веревочку и несет, вишь, губернатору; идет у собора, вдруг сзади по плечу его хлоп, так, чу, он и обмер. А это Кузьма.

– Ты что, спрашивает, охотник?

– Охотник?

– Тебя-то и надо, пойдём, барин тебя требует. И пошли. Приходят в номера, в окружной суд, Николай Алексеевич – к себе тятиньку, все расспросил.

– Ну, говорит, Кузьма, налейте ему двусоставную... Пей, говорит тятиньке. Тятинька выпил, дух заняло – накрепчайшая водка.

– Теперь, говорит, неси дичь губернатору, дичь оставь – деньги я заплачу. Тятинька и не вышел, так тут у них, в каморке, и уснул – сшибло с крепкой водки. Потом дичь губернатору отнес.

– Скажите его высокобродию, что Гаврило-охотник дичь принес, а денег не спрашивает.

И ушел. Так и познакомился тятинька с Николаем Алексеевичем. Николай Алексеевич сутки по трое жил у нас – охотились все тут вон, в низине, Ляды называется; дупелей там погибель было, куницы водились. Как приедет, бывало, – вся деревня возле него, всех деньгами заградит. Братец у тятеньки – Семен Яковлевич – еще и сейчас жив, так тетенька-то Дарья только охачку сенца подбросила лошадке Николая Алексеевича – сейчас трешницу вынул. Тятиньке рублей по 70 давал за трою-то сутки. Маменьку застряпню все хвалил: «Ах, Маремьянушка, до чего ты щи варить мастерица!» И ее награждает. Тятиньку с собой звал – газету разносить, на хорошее жалованье. Николай Алексеевич был московским газетчиком.

– Если бы к Семену Яковлевичу побывать?

– Можно. Да он еще ходит, я сюда позову.

Семен Яковлевич на моленье.

– Да уж он стар, древний старик и как будто и не в себе, заговаривается... А он должен хорошо помнить Николая Алексеевича. «Коробейников» Николай Алексеевич написал по тятинькину рассказу. Летом тятинька на охоте рассказал Николаю Алексеевичу, а через зиму Николай Алексеевич приехал и книжку стихов о коробейниках привез, тятиньке подарил; все хранилось, да тот возьмет почитать, другой – поистрепалась... А тут писарь взял – так у него и пропала. Перевелся он от нас из Мискова – тятинька заходил к нему за книжкой, говорит: ребята изорвали.

– Фамилия-то писаря?

– Кадушкин.

– Не чуть, где теперь?

– Пропал.

– Был у нас мужик такой, хитрый, негодный, Давыд Петров из Сухорукова, из деревни, вот он и убил коробейников, ограбил, – с них и разжился, кабак имел; под конец господь покарал – ослеп под старость. Тятинька и ружье-то, из которого Давыд застрелил, коробейников, делал. Поднес тятинька Давыду да все и выпросил, как он убил.

– Вот, говорит, видят они, что я не с добром возле их – шли они напрямиком, тропкой, из Сухорукова к Закобьякину, – отговаривать меня стали, а я из одного стволика хлоп – только позаячьи верескнул, из другого – снопиком повалился.

Тятинька такую ему взвесил: «Разве я по тебе ружье мастерил?» У Николая Алексеевича есть в стихах:

Подзадорили детинушку,
Он всю правду бух.

– Где же вы стихи достали?

– Учительница давала, мы все его стихи читали. Старушка оказалась любительницею чтения. Газету выписываем. Училище есть.

– Три версты. Не ходят наши. Сами учим деток, каждый в своей избе. Плохо с этим. Деревня большая, народ бы богатый...

Иван Гаврилович пасеку имеет, ульи рамочные; он при должности – объездчик, сторож в казенном лесу.

Дальше легенды.

Деревня носится с памятью Николая Алексеевича, образовались наслоения, дающие возможность продлить рассказыванье о Николае Алексеевиче столь многим, интересующимся им, выскребающим в жителях Шоды до самомалейшей крупинки о Николае Алексеевиче.

– У Николая Алексеевича были две усадьбы в Ярославской губернии: Карабиха и Грешнево, сады были при них на несколько верст. Тятинька бывал. Чего-чего в садах не было. Была 25-летняя ягода, так и называлась – 25-летняя, тятинька-то ее видел – уж с арбуз была... Как исполнилось ей 25 лет, Николай Алексеевич торжество устроил, государь выезжал смотрел.

Одно поместье было у Николая Алексеевича родовое, а другое – в карты выиграл.

Был у него винокуренный завод, 12 кабаков было.

Была у Николая Алексеевича собака Оскар. 700 рублей была цена. И пропала. Сутки, двое, трое – нет. Кузьма с ног сбился. На третью ночь Оскар царапается в дверь и в зубах кошелек. 600 рублей принес. Где взял никто не знает. Николай Алексеевич заявленье подал. 10 лет деньги лежали.

К Семену Яковлевичу. Идем под окнами, видим – в избе молятся перед сном, всей семьей. Так и не привелось видеть Семена Яковлевича, брата Гаврилы Яковлевича Захарова, сотоварища по охоте Николая Алексеевича.

Федор Гаврилович, старший сын Гаврилы Яковлевича, ничего не придал к рассказу Ивана Гавриловича. И на Федоре Гавриловиче видна заученность рассказа, не впервые рассказываемого. Да Федор Гаврилович и городской человек, маклер. На Федоре Гавриловиче заметней навеянное городской публикой обаяние личности, повергающей в преклонение мир.

– Я был лет 14-ти... И мне хотелось с ними на охоту. Потихоньку взял тятинькино ружьецо, забежал вперед, подстерег их, выскочил: «Тятинька, тятинька, я двух чирков убил!» И показываю. Думаю: «Уж теперь возьмут с собой». Николай Алексеевич и говорит: «Охотник охотника родит». Так это мне запомнилось.

– Набивали сотням дичи... – Как под Турцией палили. – Туда вон Вежи. Там дедушка Мазай.

Старообрядчество явно выцветает; так бы хотелось увековечить эти остатки людей по старой вере в их обстановке, нашей, местной, воспетой Н. А. Некрасовым равнины безлесной и шири поднебесной, на этой подтопляющей воде, в их костюмах, в их пении, в их церковности, в их внутренней жизни – увековечить «стиль» их жизни.

Костромского уезда, село Куликово

Священник Леонид Парийский 1916 года марта 7 дня

(«Поволжский вестник», 28 сентября 1916 г.)

Примечания

Леонид Александрович Парийский (1885 – 1931 гг.) родился 7 марта 1885 года в семье священника Никольской церкви с. Николо-Трестино под Костромой. В 1905 году окончил Костромскую духовную семинарию, в марте 1907 года состоялась его рукоположение во священника Архангельской церкви с. Куликова Костромского уезда. В мае 1917 года о. Леонид был переведен на должность настоятеля Покровской церкви села Шунги, в которой прослужил 12 лет. Молодой священник был одарен литературно, до революции он переписывался с В. Г. Короленко и А. М. Горьким, которым посылал на отзыв свои сочинения. В июне 1929 г. Леонид Парийский публично отрекся от Церкви и веры¹. Судя по всему, он искренно порвал с религией, однако вскоре Л. А. Парийский совершил поступок, оправдания которому для бывшего священника быть не может. В октябре 1929 года, в самом начале кампании в Костроме за массовое закрытие храмов, он выступил на вечере Союза воинствующих безбожников в цирке. Согласно газетному отчету, Л. А. Парийский сказал: «В продолжение 23 лет я был священником, и только Октябрьская революция окончательно убедила меня во вредности моего занятия. Я пришел к выводу, что бога нет, а религия служит угнетению масс. Я снял сан и призываю других священников последовать моему примеру»². После его выступления присутствующие 2500 человек приняли резолюцию о закрытии кафедрального собора и других девяти храмов города³. После сложения сана Л. А. Парийский уехал из Костромы в Москву, где 1 января 1932 года умер от аппендицита. Весной 1916 года о. Леонид Парийский съездил в Шоду, где встретился с И. Г. Захаровым. 28 сентября 1916 года его очерк о поездке в Шоду был опубликован в газете «Поволжский вестник»⁴. Рукопись очерка хранится в Государственном архиве Костромской области⁵. После 1916 года текст очерка Л. А. Парийского публиковался

дважды: 5 марта 1972 года историком В. Н. Бочковым (под псевдонимом А. В. Вавилова) – в газете «Северная правда»⁶, в 1992 году преподавателем Костромского педагогического института Н. Г. Морозовым – во 2-м выпуске альманаха «Костромская земля»⁷.

1. «Каждый возглас – преступление». «Что ни слово в церкви – то ложь». Заявление служителя церкви Парийского.// Северная правда. 6. 09. 1929.

2. 2500 безбожников голосуют «за».// Северная правда. 16. 10. 1929.

3. Там же.

4. Парийский Л. В местах воспетых Н. А. Некрасовым. Н. А. Некрасов в Шоде.// Поволжский вестник. 29. 09. 1916.

5. ГАКО, ф. 508, оп. 1, ед. хр. 47.

6. Шода и Некрасов.// Северная правда. 5. 03. 1972.

7. Парийский Л. А. В местах, воспетых Н. А. Некрасовым. Шода.// Костромская земля. Краеведческий альманах. Кострома, 1992, вып. 2, с. 111-115.